

Дополненный вариант статьи «Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения», опубликованной в журнале «Мосты» (Мосты N4(36)/2012. – М.: Р.Валент, 2012)

Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Давно прошли те времена, когда научное переводоведение только делало первые шаги, а лингвисты, равно как и многие переводчики-практики, посматривали на зарождающуюся дисциплину с иронией и скепсисом. И хотя диссертации по переводу до сих пор защищаются в рамках специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», вроде бы ни у кого нет сомнений в том, что переводоведение – отдельная область знаний со своим предметом, методологией и т. п. Количество издаваемых – как в России, так и за рубежом – работ, посвященных переводу и переводоведению, тоже подтверждает: теория перевода завоевала в научном мире место под солнцем.

Однако содержание многих из этих работ несколько озадачивает. Порой складывается впечатление, что их авторы с кругом переводоведческих проблем не очень-то и знакомы, а если знакомы, то не глубоко, на собственном опыте, а понаслышке, отчего надежность выводов таких исследований сильно страдает.

На наш взгляд, положение дел в переводе и переводоведении отчасти напоминает Алисино Зазеркалье, где «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте». В самом деле, в отличие от, например, точных и естественных наук, придумать в переводоведении что-то принципиально новое (и притом практически оправданное) вряд ли возможно. Полагать, что со временем возникнет некая новая концепция перевода, в свете которой окажутся неправильными и несостоятельными, скажем, переводы Твена, выполненные Н. Дарузес, Честертон, выполненные Н. Трауберг, или Воннегута, выполненные Р. Райт-Ковалевой, может лишь самый смелый мечтатель (или шарлатан). Это, конечно, не значит, что в вышеупомянутых или каких-то других переводах все идеально или что новые переводы не могут потребоваться в связи с устареванием языка (если для этого действительно будут объективные основания). Речь идет именно о стратегиях, которыми – осознанно или интуитивно – руководствовались переводчики, и теоретических основаниях этих стратегий.

Также нельзя сказать, чтобы какие-то тексты были неподвластны переводу и, для того чтобы их наконец перевести, требовались новые переводоведческие открытия. Безусловно, есть тексты, перевести которые без серьезных потерь крайне трудно. В том числе это тексты, в которых на передний план выходят игра слов (особенно если это тексты аудиовизуальные, где игра слов поддержана изображением), аллюзии, диалектные особенности, ритм, рифма – одним словом, тексты, где содержание гораздо теснее обычного связано с формой и/или с особенностями культуры исходного языка (ИЯ). Однако трудность перевода таких

текстов состоит не в несовершенстве теоретического аппарата переводоведения, а в объективных расхождениях в ИЯ и переводящем языке (ПЯ), а также в культурах ИЯ и ПЯ.

При всем при том «бежать со всех ног» все же надо, потому что иначе переводоведение рискует быть отброшенным назад – усилиями авторов (имеющих к переводу как прямое, так и очень опосредованное отношение), которые ради достижения тех или иных своих целей готовы пренебрегать здравым смыслом и вновь идти теми путями, тупиковость которых была очевидна уже много лет назад. Если в математике и географии не надо доказывать каждому неوفиту, что дважды два – четыре, а Земля круглая (предполагается, что это уже доказано, а наука должна заниматься менее изученными вопросами), то в переводоведении (как, возможно, и во многих других гуманитарных науках) считается в порядке вещей ломать стереотипы и низвергать авторитеты вне зависимости от состоятельности собственных аргументов.

Итак, настоящая статья посвящена тому, как не надо заниматься переводоведением и какие работы по теории перевода не помогают продвинуться дальше или хотя бы «остаться на том же месте», а, напротив, отбрасывают эту область знаний назад.

Сразу оговоримся, что данные в этой статье оценки могут быть расценены как субъективные, особенно сторонниками того подхода, что любые книги со словом «перевод» на обложке в равной степени заслуживают внимания и уважения. Впрочем, главные критерии, от которых мы будем отталкиваться, – это практическая целесообразность и здравый смысл. В свете этого надеемся, что высказанные нами аргументы окажутся достаточно убедительными.

Если же методологически более строго определять точку зрения, с которой в настоящей статье осуществляется критика, то следует сказать, что авторы стоят на позициях лингвистического переводоведения и разделяют коммуникативно-функциональный подход к переводческой деятельности. Вкратце поясним суть этих установок.

В рамках коммуникативно-функционального подхода качество перевода определяется тем, насколько точно и полно текст перевода (ТП) и отдельные его части, передают функции (функциональную доминанту и набор дополнительных функций) текста оригинала (ТО) и его частей, а также то, насколько полно ТП воспроизводит коммуникативный эффект ТО. (Мы не будем здесь останавливаться на вопросе о том, что воспроизведение коммуникативного эффекта некоторых типов ТО весьма затруднено в других культурах и/или позднейших эпохах. Достаточно будет оговориться, что речь идет о максимально возможном воспроизведении этого эффекта.) Таким образом, этот, по сути прагматический, подход противостоит ряду других возможных концепций, ставящих на первый план, например, степень формальной близости ТО и ТП, выполнение той или иной задачи (помимо прагматической), достижение тех или иных идеологических целей и т. д.

Лингвистическое же переводоведение, которому, по мнению В.Н. Комиссарова, принадлежит «ведущее место в современном переводоведении» (Комиссаров, 1990, с. 34), предполагает, что в центре внимания находятся аспекты

перевода как лингвистического явления. Иными словами, обсуждая полноценность передачи функций ТО и воспроизведения его коммуникативного эффекта, мы оперируем прежде всего лингвистическими данными и критериями. При этом, безусловно, принимаются в расчет психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, но только в той мере, в какой они находят выражение в речевых единицах.

Также стоит отметить, что авторы в целом разделяют прескриптивный подход к переводоведению. Часто высказывается точка зрения, что теория перевода может претендовать на научность только в том случае, если она будет дескриптивной (Chesterman, 1997, P. 52). Безусловно, дескриптивный подход в переводоведении имеет право на жизнь, особенно в таких областях, как история перевода, моделирование процесса перевода, теория норм и т. п. Однако бесспорно, что такие аспекты деятельности, как практика, преподавание, редактирование и критика перевода, требуют определенных критериев, задать которые могут только прескриптивные положения (даже если они сформулированы не категорично). При этом большинство цитируемых нами работ претендует как минимум на то, чтобы давать практические рекомендации переводчикам и преподавателям перевода, а значит, и оценивать их логично с прескриптивных позиций.

Впрочем, оговоримся, что в нашем обзоре мы не подвергали критике работы только на том основании, что они написаны на базе теоретических установок, отличных от наших. Общий признак цитируемых в нем работ – наличие в них тех или иных противоречий, таких как противоречие между теорией и практикой, между различными высказываемыми в одной работе теоретическими установками, между способом выражения мысли и ее содержанием и т. д.

Логично будет начать с тех случаев, когда авторы не вполне представляют себе предмет теории перевода, а следовательно, не могут верно оценить актуальность и новизну тех или иных исследований. Проанализировав различные подходы к определению предмета лингвистической теории перевода, В.В. Сдобников и О.В. Петрова резюмируют: «...Под **объектом** лингвистической теории перевода мы будем понимать посредническую переводческую деятельность в рамках межъязыковой коммуникации, представленную как непосредственно (процесс), так и опосредованно, то есть отраженную в результатах переводческого процесса. **Предметом** теории перевода является изучение закономерностей переводческого процесса, факторов, влияющих на протекание процесса перевода и определяющих результат перевода». (Сдобников, Петрова, 2008, С.70)

Подчеркнем, что переводоведение интересуют именно закономерности, характеризующие эту деятельность, а не, скажем, конкретные проявления этих закономерностей на том или ином материале. Конкретные проявления могут и должны использоваться в индуктивных исследованиях как отправная точка для обобщений, но не как конечная цель изысканий.

Это и очевидно. Так, например, в биологии может быть интересно описать миграционное поведение того или иного вида рыб (если оно ранее не было описано), но никому не придет в голову посвящать самостоятельные работы миграциям отдельного косяка. В переводоведении же на каждом шагу встречаются **исследования, посвященные реализации той или иной хорошо изученной**

закономерности еще на одном материале, что к пониманию самой закономерности ничего не прибавляет.

Хрестоматийный пример такого рода – многочисленные работы, посвященные передаче терминологии, в которых меняется только предметная область, откуда заимствованы термины. Возьмем наудачу диссертацию на тему «Особенности передачи англоязычной терминологии в области электронной бытовой техники» (Смирнов, 2007). Автор приходит к следующим выводам (по последней главе):

1. Основной принцип этого перевода – термин передается термином.
2. В отличие от научного текста, в художественной литературе термины, в особенности исконные для ИЯ, распознаются труднее <...>
3. Отклонения от основного принципа перевода допускаются главным образом в тех случаях, когда термин в данном тексте не имеет терминологического значения, не несет значительной семантической нагрузки и, разумеется, если он лишился связи с соответствующей терминосистемой.
4. При отсутствии в ПЯ термина-эквивалента в научном тексте его заимствуют или создают новый, или придают терминологическое значение общелитературной единице, а в художественном тексте предпочитают иные приемы, стараясь, тем не менее, не нарушать «терминологического звучания» текста: замену другим (обычно близким по значению, а иногда даже далеко не равнозначным) термином, компенсацию видового понятия родовым, синонимом различной степени близости, приблизительным соответствием (обычным словом) и даже нулевой перевод.
5. Внутренняя форма термина, не принимаемая во внимание при переводе научной литературы, может иметь значение в художественном переводе, но только в тех случаях, когда она играет аналогичную роль в подлиннике. <...>
6. Наряду с переводческой транслитерацией для языковых единиц, не имеющих непосредственного соответствия в переводящем языке, иногда применяется калькирование...»

Беда не только в том, что на самом деле эти выводы принадлежат не автору работы, а почти целиком заимствованы из книги С. Влахова и С. Флорина тридцатилетней давности (Влахов, Флорин, 1980). Беда в том, что, по сути, ни одна работа на тему «особенности передачи терминологии в области...» в принципе не может выйти за пределы написанного Влаховым и Флориным, а также многими другими авторами работ, так или иначе связанных с передачей терминологии, поскольку и способы передачи терминов, и их относительные преимущества и недостатки остаются одними и теми же вне зависимости от того, из какой сферы термины позаимствованы. Неслучайно, кстати, автор процитированной выше диссертации в своих выводах не говорит ни об электронной бытовой технике (тема диссертации), ни об области телекоммуникации (тема последней главы): никакой заслуживающей диссертационного исследования специфики в передаче терминов именно этих областей по сравнению с общими принципами, сформулированными болгарскими переводоведами, обнаружить и не удастся.

И тем не менее работы такого рода множатся от года к году: «Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических

наук» (Анисимова, 2010), «Особенности перевода терминов сферы компьютерных технологий» (Глухенька, 2009), «Проблемы адекватности перевода лингводидактических терминов на материале русского и английского языков» (Лебедев, 2005), «Функционирование и перевод терминов гражданского права (на материале терминологии недвижимости)» (Язгунович, 2011 г.), «Проблемы терминологии при переводе конфессиональных текстов иконографической литературы» (Галкина, 2007), «Реалии парусного флота в английской литературе и проблемы их перевода на русский язык» (Шаповалов, 2009).

Совсем свежий пример. Недавно на одной конференции был представлен доклад двух авторов на тему «Особенности перевода метафор в экономической публицистике». Вот к каким выводам пришли докладчики:

Рассмотрев три вида метафор, встречающихся в экономической публицистике, а именно стертые метафоры, метафоры-клише и концептуальные метафоры, можно сделать вывод о том, что предпочтительными способами их перевода на русский язык являются:

- 1) перевод с помощью устоявшегося языкового соответствия (эквивалентного метафорического выражения в языке перевода);
- 2) перевод с помощью нейтрального, неметафорического выражения;
- 3) описательно-поясняющий перевод (Каширина, Клименко, 2012, С. 154).

Трудно понять, в чем же состоят заявленная в заглавии доклада «особенности»: ведь таким же образом метафоры передаются в текстах самого разного характера, вплоть до художественных.

Примерно то же самое можно сказать о многочисленных работах о передаче реалий (из области...), фразеологизмов (связанных с...), неологизмов (из сферы...) и т. п. Добросовестным авторам, подумывающим об избрании подобной темы, можно посоветовать сперва ответить на два вопроса: 1) предполагается ли открытие каких-либо особенностей передачи вышеназванных явлений, ранее не описанных в переводоведческой литературе (пускай не применительно к конкретной сфере, а относительно реалий, фразеологизмов, неологизмов и т. п. в целом)? и 2) верит ли автор, что передача реалий, фразеологизмов, неологизмов и т. п. из облюбованной им сферы действительно имеет такие особенности, которые не проявляются в других сферах? Если ответ на эти вопросы отрицательный, то тему стоит избрать другую.

Впрочем, подобные темы привлекают отнюдь не только авторов добросовестных: уж больно заманчиво смастерить наукообразное произведение по готовому рецепту. Взять достоверные, проверенные временем переводоведческие выводы, применить их к специфическому материалу, добавить цитат о вопросах, не имеющих прямого отношения к переводу (скажем, о культурных тенденциях в стране ИЯ или о значимости рассматриваемой сферы для народного хозяйства) – и статья или даже диссертация готова. При этом ни одной по-настоящему новой мысли можно не высказывать.

Раз речь зашла о мотивировке объективно неинтересных для переводоведения исследований, то стоит упомянуть еще одно заблуждение или

даже намеренную подтасовку – **подмену переводоведческой значимости работы значимостью сферы жизни, из которой заимствованы рассматриваемые в работе переводы.** Абсурдность подобной подмены очевидна, если перенести ее на более привычные нам ситуации. Скажем, художественная ценность романа не зависит от того, насколько обсуждаемы, актуальны или модны понимаемые в нем темы. Нелепо считать, что роман, затрагивающий вопросы, о которых на данный момент пишут в Интернете и говорят по телевизору, уже в силу одного этого факта должен обладать литературными достоинствами и отвечать на запросы современного читателя именно как произведение искусства (в этом отношении гораздо актуальнее может оказаться произведение, написанное хотя бы на античном материале, но более талантливо). Так же нелепо и доказывать актуальность переводоведческой работы актуальностью текстов, переводы которых выбраны в качестве объекта для рассмотрения.

И тем не менее это делается. Например, в статье 2009 г. о переводе терминов сферы компьютерных технологий говорится: «...В период глобальной компьютеризации актуальность исследований способов перевода англоязычных компьютерных терминов не вызывает сомнения» (Глухенька, 2009). Однако у нас актуальность подобных исследований вызывает большие сомнения по уже упоминавшейся причине. Произошло ли что-нибудь такое в настоящий период, отчего компьютерные термины стали переводиться как-то иначе, по сравнению с терминами вообще? Эти сомнения подкрепляют и выводы статьи, прямо скажем, не являющиеся откровением: «В ходе проведенного анализа было установлено, что для интерпретации англоязычных компьютерных терминов применимы такие приемы перевода, как калькирование, конкретизация, генерализация, прием смыслового развития, антонимический перевод, замена и преобразования частей предложения» (Глухенька, 2009).

А вот фрагмент из коллективной монографии 2011 г.: «Вопрос о передаче блендов в процессе перевода является актуальным ввиду того, что блендинг как способ словообразования в настоящее время получает все большее распространение в различных языковых системах и как средство номинации для обозначения новых понятий и явлений действительности является типичной чертой различных типов дискурса» (Загидуллин, Нефедова, 2011, С. 92). Блендами авторы называют окказиональные единицы, полученные «в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют схожие фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» (типа *coca-colonization* или «прихватизация»). Иными словами, речь идет о разновидности неологизмов, и, как и следовало ожидать, «актуальный вопрос о передаче блендов» приводит нас к хорошо знакомому перечню решений:

«В рамках данной работы мы рассмотрели особенности перевода блендов на примерах из русского и английского языков, выявили основные способы их передачи (транскрипция, транслитерация, калькирование, экспликация, создание новообразования по данному образцу), проиллюстрировав их примерами. Следует подчеркнуть, что в процессе передачи блендов переводчик может столкнуться с рядом сложностей, сопряженных с различной степенью продуктивности данной

словообразовательной модели в языке оригинала и языке перевода, отсутствием специфических национальных или индивидуально-авторских концептов, лежащих в основе переводимого бленда, а также необходимостью применения творческого подхода к переводу. Бленды представляют собой тот языковой материал, при работе с которым языковая личность переводчика приобретает черты креативной языковой личности»» (Загидуллин, Нефедова, 2011, С. 103).

Последний фрагмент мы процитировали так обширно, чтобы на его примере продемонстрировать сразу несколько недостатков, которыми грешат многие переводоведческие работы. Во-первых, как мы уже говорили выше, создается ложное представление об актуальности заявленной темы, для чего избитый вопрос о передаче неологизмов подается под интригующим заголовком («бленды»). Во-вторых, ощущению новизны, прогрессивности и, может даже, революционности исследования призвано способствовать обилие не к месту употребляемых иностранных заимствований («бленды», «блендинг», «концепт», «креативный»), а подобная словесная пиротехника, тем более в работах о переводе, всегда настораживает. В-третьих же, обращает на себя внимание банальность выводов, сводящихся к тому, что неожиданное явление в ИЯ может передаваться в ПЯ поразному, что из-за несовпадения языковых систем и культур передача его затрудняется и что работающему с таким явлением переводчику, следовательно, придется поломать голову и подойти к делу творчески.

Надо сказать, что такими же инструментами для создания неоправданной интриги часто служат и более или менее экзотические (для основной массы переводоведческих работ) языки, на материале которых проводится исследование. Безусловно, мы говорим не о тех работах по частной теории перевода, в которых на самом деле раскрываются особенности передачи тех или иных явлений в конкретной языковой паре – особенности, обусловленные неповторимым соотношением двух языковых и культурных систем. Нет, речь идет все о тех же старых знакомцах: передача культурных реалий в переводе с бенгальского, передача строительных терминов в переводе с турецкого, переводческие трансформации в переводе с монгольского и т. п. Если все эти способы передачи и трансформации в итоге сведутся к избитым, повторяемым из работы в работу перечням, то, стало быть, переводоведческий смысл такой работы невелик, а автору, если он и правда хочет провести интересное исследование, лучше сосредоточиться на тех аспектах перевода, которые будут для данной пары языков уникальными.

Третий бич теоретических работ, о котором мы поговорим в нашем обзоре, – это **вопиющая тривиальность выводов**, которая ставит под сомнение целесообразность самого исследования. К сожалению, все чаще заключительные части дипломных работ, статей и диссертаций приобретают примерно следующий вид:

В ходе нашего исследования мы всесторонне рассмотрели явление X и пришли к выводу, что его передача в переводе представляет значительную трудность. Для того чтобы передать явление X на ПЯ, переводчик может воспользоваться широким перечнем трансформаций. При этом переводчику

необходимо хорошо владеть средствами ИЯ и ПЯ, глубоко понимать культуру ИЯ и учитывать контекст, а также ряд прагматических факторов.

Да, все верно. Практика показывает, что в переводе нет универсальных решений и жестких правил, что решение в каждом конкретном случае надо принимать с учетом контекста и массы привходящих факторов и что переводчику надо мыслить творчески, а также обладать широкими познаниями в области ИЯ, ПЯ и соответствующих культур. Но бессмысленно исписывать страницы, только чтобы подтвердить этот трюизм. Начинаящий переводчик, впервые столкнувшийся с многообразием и серьезностью переводческих задач, впервые самостоятельно их разрешивший, действительно может испытать желание поведать о том, как «все сложно» и как геройски он все преодолел. Но, чтобы браться за написание научной работы, нужно не только преодолеть отдельные трудности и удивиться их разнообразию, но и сделать определенные теоретические обобщения – увидеть в частных фактах не описанные ранее тенденции и убедительно их сформулировать.

Давайте интереса ради взглянем на выносимые на защиту положения нескольких диссертаций последних лет. Предполагается, что такого рода положения надо защищать в силу их новизны и неочевидности. Но что и от кого требуется защищать в следующем?

- Неверно выбранный способ перевода приводит либо к полному искажению семантики термина, либо к ничем не обоснованному сужению его значения, что оказывает отрицательное влияние на системность терминологии (Анисимова, 2010);
- Языковые картины мира в русском и арабском языках в достаточном количестве случаев не соответствуют друг другу, поэтому проблемы правильного переводного соответствия весьма актуальны, особенно для таких типов текста, как политические тексты (Акаш Бадр Абдуллах, 2011);
- Политические тексты отличаются наличием специфических словосочетаний, обладающих сильной эмоциональной окраской. Перевод подобного рода сочетаний представляет трудности для переводчика, в связи с тем что такие сочетания не всегда фиксируются в двуязычных словарях. Для адекватного перевода переводчику необходимо тщательно проанализировать контекст, в котором употребляется словосочетание, чтобы определить, какое значение оно выражает. Толковые словари также могут служить помощником для переводчика в таких случаях (Акаш Бадр Абдуллах, 2011);
- Несмотря на наличие параллельных форм и конструкций, переводчики в процессе перевода с итальянского языка на русский и обратно применяют различные лексико-грамматические трансформации. Однако имеет место и дословный перевод, хотя и встречается намного реже (Тетерукова, 2009);

- Причинами, обуславливающими неточности при переводе ФЕ (фразеологических единиц – Д.Б., В.Л.), являются недостаточная компетентность переводчика, место и время перевода; отсутствие достаточного времени для осуществления качественного перевода (Каюмова, 2010).

В заключение этой части следует отметить, что первые три рассмотренные нами категории недочетов взаимосвязаны. Неумение или нежелание выделить действительно интересную с переводоведческой точки зрения проблематику зачастую приводит к псевдоконкретизации темы (общие закономерности выдаются за специфические, хотя на самом деле меняется только материал примеров), эта псевдоконкретизация может мотивироваться важностью той или иной темы в некоем непереводческом аспекте (в бытовом, экономическом или, например, в аспекте другой области знаний), а в результате получаются исследования, пестрящие банальностями, не требующими доказательств.

Более того, если подобные положения и выводы не редкость в кандидатских и докторских диссертациях, то тем более велико их засилье в дипломных работах. А между тем дипломная работа для абсолютного большинства специалистов, получающих квалификацию переводчика, остается главным научным исследованием всей жизни. Не хотелось бы, чтобы дипломированные переводчики покидали вуз с мыслью о том, что переводоведение сводится к перетасовке положений из работ 20–50-летней давности, жонглированию модными словами и авторитетному утверждению очевидного.

Перейдем к недочетам принципиально другого рода, и среди них одно из важнейших мест занимает имеющий место в переводоведческих работах **разрыв между теорией и практикой**. Авторы этой статьи уже писали ранее о необходимости основывать теоретические постулаты на реальной практике перевода (Бузаджи, 2009, Ланчиков, 2008). Повторять эти аргументы сейчас нет необходимости. Тем более что в этом разделе речь пойдет даже не об околоспециальных (философских, литературоведческих, культурологических и т. п.) эссе, где перевод служит не столько объектом исследования, сколько поводом для разговора, а о работах, содержащих определенные переводческие рекомендации и претендующих на практическое применение, но при этом резко противоречащих тому, что вытекает из наблюдений над переводческим делом и что подсказывает здравый смысл.

Вообще, надо сказать, авторы статьи придерживаются того мнения, что писать о переводе, как и преподавать его, должны только те, кто действительно им занимается. При всей очевидности этого условия соблюдается оно далеко не всегда, и в переводческой среде довольно много не то что «неиграющих тренеров», а тренеров, которые за всю жизнь играли разве что в детстве во дворе.

Например, в присланном в МГЛУ на рецензию учебном пособии по переводу, изданном в 2008 г. (Козыкина, Флешлер, 2008), для освоения работы с разговорным стилем в качестве текстов на перевод были предложены письма американских подростков. Что в этом неправильного? Во-первых, то, что подобная переписка практически никогда не становится объектом перевода. Переводится,

как правило, переписка деловая (экономическая, политическая и т. п.), а личная – тем более в разговорно-сленговой стилистике – через переводчика не ведется. Стоит ли тратить время на овладение столь специфическим умением и на что, собственно говоря, ориентироваться переводчику таких текстов – эти вопросы остаются открытыми.

Во-вторых, сперва следует разобраться, как именно разговорный стиль «ведет себя» в переводе. Безусловно, его элементы встречаются в произведениях художественных и близких к ним. Но в этом случае употребление разговорных средств подчинено авторскому намерению и представляет собой не «сырой» разговорный язык, как в частном письме, а его обработанную форму. Перевод письма, включенного, скажем, в роман, представляет собой отдельную задачу в рамках художественного перевода, но эта тема в пособии даже не затрагивается.

С разговорными фрагментами может столкнуться и переводчик специальной литературы, например социолингвистической. Но в этом случае, скорее всего, потребуются дословный перевод, иллюстрирующий то или иное филологическое явление, и, возможно, комментарий переводчика.

Наконец, сталкиваются с разговорным стилем и устные переводчики, но в силу специфики своей работы маркированные стилевые элементы они обычно сглаживают, делая язык перевода более нейтральным.

В том же пособии встречаются и многие другие моменты, выдающие недостаточное знакомство его авторов с переводческой практикой. Так, студентам еще до выполнения перевода предлагается такое задание: «Найдите слова и словосочетания, которые могут быть переведены простой подстановкой, т.е. механической заменой одной языковой единицы другой». Однако практикующим специалистам хорошо известно, что слова, словосочетания, фразы и т. д. переводятся только в контексте всего текста и решить, как передать тот или иной фрагмент до выполнения перевода целиком, можно только приблизительно и имея уже большой опыт перевода текстов подобного типа. Самые здравые и, казалось бы, безошибочные варианты, взятые в изоляции, могут не вписаться в конкретный контекст по соображениям сочетаемости, согласования образности, стиля, актуализации внутренних значений и т. д. Да и вообще в переводе вряд ли можно говорить о каких бы то ни было «механических подстановках».

А вот потрясающий по своей откровенности разрыв теории с практикой в уже цитировавшейся нами коллективной монографии. Раздел озаглавлен «Роль переводчика в переводе дискурса сетевых форумов». Уже в этом названии имплицитно заложено утверждение о том, что существует такая вещь, как перевод дискурса сетевых форумов, т.е. кто-то их переводит. Однако ближе к концу раздела вдруг встречаем: «По вышеуказанным причинам, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что переводчики-люди не играют практически никакой заметной роли в переводе такого вида компьютерного дискурса, как сетевые форумы» (Загидуллин, Нефедова, 2011, С. 296).

Итак, был написан целый раздел о том, чего нет, наполненный сведениями об орфографических, лексических, грамматических и стилистических особенностях компьютерного дискурса, а также о вещах, так или иначе связанных с компьютером и переводом, но не имеющих отношения к заявленной теме.

Оно и неудивительно. Поскольку в последнее время преподавать перевод и писать о нем стало множество преподавателей иностранных языков, а также лингвистов, не имеющих специальной переводческой подготовки, все чаще наблюдается такая картина. Автор дает своей работе переводоведческое название, но, толком не разбираясь в предмете, сворачивает на более знакомые ему темы. Если, к примеру, это преподаватель английского языка, то в работе доминирует разбор нюансов этого языка (иногда в сопоставлении со сходными явлениями русского языка), но не в функционально-коммуникативном аспекте и безо всякой привязки к нуждам перевода. Если автор – специалист в общем языкознании, работа будет в основном содержать изложение тех или иных лингвистических концепций. Переводческого же вывода либо не будет вовсе, либо он будет взят из головы и окажется несостоятельным с точки зрения практики.

Как бы ни относились читатели этой статьи к модному дескриптивистскому поветрию, из которого с неизбежностью следует, что теория перевода вовсе не должна служить подспорьем для практики, напомним, что во вступительной части каждой диссертации автор обязан указать, какое практическое применение будет иметь его исследование. Но, ознакомившись с выводами иных исследований, с ужасом представляешь, что получится, если они и правда будут, как уверяют авторы этих работ, «иметь применение в практических курсах обучения переводу».

Характерный пример – кандидатская диссертация, где автор на основе когнитивистского подхода исследует «трансляцию лингвокультурного концепта “вера”» в переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненных М. Гленни и Р. Пивером совместно с Л. Волохонской (Дзида, 2010).

Проанализировав оба перевода, диссертантка приходит к выводу, что искомый концепт передан в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской точнее, чем у М. Гленни. Не оспаривая истинности этого вывода, обратим внимание на следующий:

Высокая рефлексивная готовность Р. Пивера позволяет ему делать самостоятельные выводы о содержательности, художественности и смыслообразующих средствах романа «Мастер и Маргарита». В результате активной мыследеятельности, распремечивающего понимания, а также точной интерпретации текста оригинала, у англоязычных реципиентов создается картина, максимально близкая по содержательной программе к тексту оригинала, т. е., с точки зрения когнитивно-деятельностного подхода, перевод Р. Пивера и Л. Волохонской является гармоничным <...> Как показали результаты проведенного исследования, текст перевода, выполненный Р. Пивером в 1997 году более точен, чем перевод, выполненный М. Гленни в 1967 году. Это приводит к тому, что английские реципиенты перевода Р. Пивера имеют практически равные возможности с русскими реципиентами по восприятию содержательности и художественности, заложенными М.А. Булгаковым в тексте оригинала. (Дзида, 2010)

Едва ли можно утверждать, что читатели перевода «равные возможности с русскими реципиентами по восприятию содержательности и художественности» на основании анализа *одного-единственного концепта*. (Отметим, что такая убежденность автора в том, что предмет, выбранный им для исследования, и является главным критерием качества перевода – признак непонимания сущности

перевода – в научных работах не редкость. Например: «Анализ оригинала и текста перевода показал, что перевод Е. Суриц следует признать адекватным. Переводчица распознала гендерную направленность текста и передала андрогинный образ главного героя» (Денисова, 2011).

Но вернемся к практическому использованию результатов диссертации. Автор считает, что

Практическая значимость данной работы заключается в том, что полученные результаты могут найти свое применение в преподавании теоретических курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и переводу. Материалы диссертации могут быть использованы также при разработке *спецкурсов, семинаров, учебных пособий по художественному переводу* и теории межкультурной коммуникации. *Предложенные идеи могут послужить основой для создания качественно нового подхода к обучению современных переводчиков* (Дзида, 2010. Курсив наш – Д.Б., В.Л.).

В свое время в журнале для переводчиков «Мосты» публиковался разбор переводов Р. Пивера и Л. Волохонской (Берди, Ланчиков, 2006), поэтому желающие могут обратиться к этой статье, чтобы познакомиться с примерами их «точной интерпретации оригинала», как утверждает автор исследования. Если выводы диссертации и правда получают практическое воплощение, то обучающимся художественному переводу будет внушаться мысль, что переводы с русского, где встречаются обороты вроде “You’ve what, been to the doctor?” («Вы что, были у врача?»), “The consultant is mixed up with the unclean powers” («Консультант с нечистой силой знается») или “Here the second oddity occurred, touching Berlioz alone” («Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза») – это и есть «гармоничный перевод, создающий в сознании реципиентов картину, максимально близкую по содержательно программе к тексту оригинала» (все примеры взяты из анализируемого в диссертации перевода Пивера и Волохонской).

Нечто подобное наблюдается и в диссертационной работе, где «проводится, сопоставительное лингвокогнитивное исследование поэмы великого русского писателя Н.В. Гоголя “Мёртвые души” и трёх её наиболее авторитетных переводов на английский язык» (Мороз, 2010). Среди наблюдений автора есть и такое:

В ходе исследования нами было отмечено, что наиболее часто специфика гоголевского творчества проявляется через использование этнографических реалий. Нередко, при их переводе происходит потеря фоновых знаний, вследствие чего у читателя не формируется полноценный образ героев и окружения. Данная тенденция характерна для переводов Д. Хогарта, что обусловлено, в том числе, и тем, что указанный переводчик нередко прибегает к сокращению авторского материала, опуская целые предложения. <...> Вместе с тем, в переводах Д. Хогарта наиболее часто встречается такой приём как транслитерация. Он позволяет более полно передать исторический и ситуационный контекст, раскрывая эмоциональную окраску событий. (Мороз, 2010)

Таким образом, автор считает, что экзотизмы в переводе Хогарта, вроде *sbitentshik, popadia, obrok, tchetvertachki* и пр. «раскрывают эмоциональную окраску событий» поэмы Гоголя полнее. Иными словами, когда Гоголь говорит о

Собакевиче: «Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке», а Хогарт переводит: “As for his face, it was of the warm, ardent tint of a *piatok*”, то англоязычный читатель лучше почувствует эмоциональную окраску этой фразы, чем если бы прочел ее в переводе К. Гарнетт: “His face was burnt as dark a red as a *correg repny*”. Подобный вывод противоречит как теоретическим положениям переводоведения, так и существующей переводческой практике. Но именно преимущество беспереводного способа передачи реалий, по замыслу автора, должно отстаиваться «при подготовке специалистов по теории и практике художественного перевода, а также при написании студентами-филологами и лингвистами курсовых и дипломных работ» (эту сферу практического применения своих выводов упоминает автор диссертации).

Попутно отметим, что перевод Д. Хогарта был выполнен в 1842 г., когда нормы перевода отличались от нынешних, поэтому сравнивать его с переводами К. Инглиша и Р. Магуайра (вторая половина XX в.), как делает диссертантка, попросту некорректно.

Непонимание сути переводческой проблематики влечет за собой еще одну ошибку, еще один недостаток, характерный для сегодняшних исследований. Он в чем-то противоположен упомянутому в самом начале нашего «скорбного списка» попыткам выдать общее правило за частный случай. Этот недостаток состоит в том, что **частный случай выдается за универсальное явление**: проанализировав один-два перевода одного-двух произведения одного автора, притом выполненных одним-двумя переводчиками, исследователи объявляют результат этого анализа общепереводческой закономерностью, хотя ни идиостиль автора ни индивидуальная программа переводчика в соображение не принимаются. Да, в рамках дипломной работы или статьи можно сделать кое-какие предварительные выводы и из одного перевода, однако выводы дипломной работы или статьи всего лишь гипотеза, они не так масштабны и не обладают тем же весом, что и результаты диссертационных исследований.

Но насколько применимы упомянутые в одном исследовании выводы о синтаксических преобразованиях в переводах трех рассказов С. Моэма (Новикова, 2009) к переводам, скажем, У.Фолкнера, синтаксис которого так далек от мозмовского? Между тем целью исследования объявлено «рассмотрение явления синтаксических трансформаций как средства достижения эквивалентности при переводе художественных произведений». Не конкретного автора, а «художественных произведений» вообще. При знакомстве с авторефератом диссертации под названием «Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте» выясняется, что идет о переводах произведений всего лишь одного автора, Ф. Дара (Абдрахманова, 2006). Причем цель работы тоже многообещающая: «изучение возможностей перевода стилистически сниженной лексики, используемой в авторском художественном дискурсе» (оставим в стороне вопрос, может ли «художественный дискурс» быть «неавторским»).

Еще один подобный пример – кандидатская диссертация, цель которой состоит «в выявлении и описании основных языковых средств, используемых Дэном Брауном в стилеобразующей функции, и определении соответствия

способов перевода, применяемых Г.Б. Косовым и Н.В. Рейн, авторскому замыслу и стилистическому своеобразию оригинала» (Горбунова, 2010). Предназначение диссертации таково:

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материал исследования может использоваться в курсах по сравнительной стилистике английского и русского языков, а также в курсе современной зарубежной литературы в вузах. Разрабатываемая в диссертации методика лингвостилистического анализа может быть применена для анализа произведений современных зарубежных писателей и качества их переводов. Данная исследовательская работа также может быть использована учёными при разработке учебных и методических пособий по теории перевода и общему языкознанию, а также специалистами послевузовского образования. (Горбунова, 2010).

Почему именно материалом для теоретического исследования выбраны два романа одного автора в двух переводах, в диссертации не объяснено. Никаких новых методов анализа или открытий в области переводоведения в работе не обнаруживается (если не считать открытием причисление романов Брауна к «жанру *bestseller*» с «композиционным построением по принципу *cliffhanger*»: кстати, неумение подобрать русские аналоги этим терминам характеризует переводческую осведомленность автора не лучшим образом). О новизне же работы сказано следующее:

Новизна данной работы определяется двумя факторами. Первый фактор заключается в том, что произведения Дэна Брауна до настоящего времени не становились предметом лингвостилистического анализа ни в России, ни за рубежом. <...> Второй фактор состоит в том, что, несмотря на переводы произведений Дэна Брауна на 44 языка, до сих пор не было выполнено сопоставительных исследований текста оригинала и текста перевода на какой-либо из этих языков. Таким образом, впервые предпринята попытка сопоставительного лингвостилистического анализа текста оригинала и его перевода. (Горбунова, 2010).

Еще один недочет современных переводоведческих исследований состоит в **нечеткости терминологического аппарата**. Всякое переводческое решение принимается на основании взаимодействия целого ряда факторов – от функции единицы в микроконтексте до функционально-коммуникативной направленности всего текста. Чем точнее эти факторы определены, тем точнее решение. В сущности, теория перевода и призвана описывать эти факторы: лишь в этом случае возможно плодотворное взаимодействие теории и практики. Когда термины и понятия, которыми оперирует исследователь, утрачивают определенность, практическая ценность выводов исследования стремится к нулю.

Между тем, под влиянием научной моды именно это и происходит с некоторыми терминами, все чаще используемыми в переводоведческих работах. Один из самых наглядных примеров – термин «дискурс». В уже упоминавшейся выше коллективной монографии «Языковая личность переводчика» наряду с

главой «Роль переводчика в переводе дискурса компьютерных сетевых форумов» имеются главы: «Особенности переводного компьютерного дискурса», «Роль личности переводчика при переводе заголовочного дискурса СМИ» и «Когнитивные особенности перевода юмористического дискурса». Элементарная научная корректность требовала бы хотя бы в пределах одной работы придерживаться одного определенного толкования термина. Но как догадаться, какое именно значение вкладывают в термин «дискурс» авторы книги, если они относят этот термин то какой-то тематической области, то к элементам текста («заголовочный дискурс»), то к его экспрессивной окраске («юмористический дискурс»)?

Этим перечень значений термина «дискурс» не исчерпывается. Переводоведы пишут то о «политическом дискурсе» (Прищепчук, 2010), то о «дискурсе Б. Заходера» (Шевченко, 2005. Имеется в виду переводческий идиостиль), то об «англоязычном дискурсе» (Мартынова, 2007).

Даже когда область применения слова «дискурс» понимается авторами, казалось бы, более менее одинаково, при более близком знакомстве с работами выясняется, что на самом деле говорят они о разном. Так, автор упомянутого исследования о политическом дискурсе пишет:

Материалом исследования послужили 2800 оценочных лексических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из текстов выступлений и пресс-конференций В.В. Путина и Д.А.Медведева в 2004 – 2008 гг. и их соответствия в текстах перевода. (Прищепчук, 2010)

(Здесь настораживает уже то, что материалом переводоведческого исследования объявлены не тексты, а отдельные лексические единицы).

Автор другой работы, где также рассматривается «политический дискурс», берет в качестве материала

тексты статей за период с 1994 по 2001 гг. из таких газет и журналов, как «Известия», «Новые известия», «Финансовые известия», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «UENTPplus», The Economist, International Herald Tribune, Financial Times, The Times (Кочелаева, 2002).

Иными словами, здесь под «политическим дискурсом» понимаются публицистические материалы на политическую тематику.

Третий автор относит к «политическому дискурсу» едва ли не все тексты, имеющие отношение к политике – от речей политических деятелей до мемуаров и «иноязычных новостей, информации с сайтов, бегущей строки» (Бродский).

Такая терминологическая нечеткость не только заставляет усомниться в корректности теоретических выводов исследователей, но и лишает эти выводы практической пользы. Поскольку, как указывалось выше, переводческие решения являются результатом определенной комбинации факторов, сокращение числа этих факторов снижает точность выбора решения. Когда предметом исследования становятся не тексты определенного жанра с присущей этому жанру

коммуникативной направленностью, а недифференцированный «политический дискурс», выводы такого исследования могут натолкнуть переводчика на неправильное решение: закономерности, выведенные применительно к переводу дипломатических документов, разумеется, неприменимы в случае перевода публицистических статей политической тематики или речей политических деятелей.

Наконец, страдает современное переводоведение и от такой беды, как **дурная междисциплинарность и метафоризация**. В хорошей междисциплинарности, безусловно, вреда нет. Перевод уже в силу своей специфики стоит на стыке многих областей, и «прививки» структурной лингвистики, семантики, социологии, прагматики, логики и т. д. дали и продолжают давать переводоведению благотворные импульсы.

Совсем по-другому обстоит дело, когда понятия и терминология посторонних областей заимствуются не для разрешения насущных задач, а по велению моды. Или, например, для того, чтобы придать тривиальным по сути идеям обманчиво яркую форму. Зачастую этот процесс сопровождается активной метафоризацией: заимствованные понятия утрачивают присущую им в родной среде терминологичность и становятся лишь весьма условными символами, которыми переводовед-метафоризатор волен распоряжаться по своему усмотрению. Разумеется, писать подобные работы гораздо легче: проблемы стройности научного аппарата, логичности классификаций, стыковки с работами предшественников отпадают сами собой.

Особенно занятно выглядят многие тексты такого рода, написанные в русле того, что широко именуется когнитивной лингвистикой. Подчас кажется, что читаешь не статью или автореферат о переводе, а что-то из научной фантастики. Например:

Поскольку фреймы распознавания... могут образовывать иерархические структуры, благодаря чему система может вырабатывать гипотезы на многих уровнях... то компоненты, входящие в состав фреймов распознавания, можно представить в качестве субкомпонентов, а полученную в результате структуру как субфрейм. (Злобин, 2011, С. 28)

Это еще не самый футуристический фрагмент из статьи, весь смысл которой сводится к тому, что переводческая деятельность подразумевает среду, потребность, предмет, цель, нормы, субъект, средства, способ, процесс и результат. Как будто до когнитивистов это известно не было.

Другой автор, эксплуатирующий экологическую тематику, заявляет ни много ни мало следующее:

Если предположить, что доминантным компонентом экологии перевода является синергия смыслов экологического и фатического полей, становится ясной целесообразность вычленения данных полей в рамках переводческого пространства. <...> Это значит, что особое значение придается природосообразности и культуросообразности текста перевода, благодаря которым достигается истинная гармония. (Кушникова, 2011, С. 55)

Единственным приведенным в статье примером «природосообразности и культуросообразности» является передача в переводе на русский французской лексемы *vigne* двумя разными способами («виноградная лоза» и «виноградник»): «Автор использует лишь одну лексему для обозначения двух понятий, а переводчик придает этой лексеме, кроме основного смысла, новый смысл, компенсируя тем самым ограниченность словарного соответствия, подводя читателя к истинной семантической гармонии» (Кушнина, 2011, С. 57). Поясним, что под «ограниченностью словарного соответствия» в статье понимается тот факт, что во французско-русском словаре первое значение *vigne* не «виноградная лоза», а просто «виноград».

Наблюдение на уровне даже не дипломной работы, а школьного проекта. Автор в стотысячный раз обратил внимание на дифференциацию значений в переводе и на предпочтительную в некоторых контекстах метонимическую замену (вспомним хотя бы классическую «кружку пива» из статьи Я.И. Рецкера о переводческом эксперименте). Но представлено это в модном нынче экологическом контексте. И не исключено, что со временем работы об экологических аспектах перевода, на взгляд, по крайней мере, части аудитории, станут вполне состоятельным направлением переводоведения, даже если содержательно к разработке его предмета они ничего добавить не смогут.

Когда экзотическая терминология скрывает банальности, это еще полбеды. Хуже, когда из-за расплывчатых метафор, используемых вместо полноценных терминов, появляются выводы безосновательные, некорректные и противоречащие здравому смыслу и практике перевода. Тот же «экологический автор» (который, кстати, описывает процесс перевода через «бифуркации», «синергию», «флуктуации», «динамическое взаимодействие образов-гештальтов» и т. п.) утверждает в другой работе: «Для некоторых типов текстов, а также для отдельных фрагментов устноречевого дискурса адекватный перевод достаточен. В большинстве же случаев адекватность признается низшим уровнем в системе оценки качества перевода». (Кушнина, Аликина, 2010, С. 49).

Признается, видимо, самим автором, поскольку у таких основоположников отечественного переводоведения, как В.Н. Комиссаров и А.Д. Швейцер, адекватность трактуется совершенно иначе. (Не нужно быть переводоведом, чтобы заявить, что хороший перевод – это перевод, в котором «передано всё-всё»). Проблема в том, что передача в переводе одного зачастую влечет отказ от передачи другого, поэтому специалисты, стремящиеся предложить реалистичные определения в этой сфере, должны учитывать компромиссный, оптимальный характер переводческой деятельности, как это удалось, например, А.Д. Швейцеру). Однако автор вносит в оценку перевода свежую струю, помещая адекватность и эквивалентность между дисгармонией и гармоничностью, которая и объявляется показателем наилучшего перевода. А поскольку авторское определение гармоничности предельно общо и нереалистично: «установление смысловых межъязыковых и, главным образом, межкультурных соответствий между текстами оригинала и перевода» (Кушнина, Аликина, 2010, С. 49), то стоит ли удивляться работам вроде той, что мы цитировали выше, где перевод Р. Пивера и Л.

Волохонской (дисгармоничный в бытовом понимании и неадекватный – в научном переводоведческом) признан самым гармоничным.

Указывая на эту неприглядную картину, противники лингвистического переводоведения твердят, что оно исчерпало себя, зашло в тупик. На самом же деле такое впечатление возникает оттого, что теория перевода притягивает к себе представителей смежных, а то и отдаленных областей знаний, которые не дают себе труда изучить ее поглубже, по-дилетантски судят о переводческой практике и маскируют свою неосведомленность терминологическими новшествами.

В этих условиях действительно важные и полезные для практики направления исследований оказываются оттеснены на периферию научной мысли. Так, обращает на себя внимание недостаточный интерес исследователей к устному переводу – при том, что недостатка спроса на устных переводчиков сегодня не наблюдается. Однако полноценное исследование в этой области, разумеется, требует более основательной разработки методики и труда, чем, к примеру, подсчет фразеологизмов в романах Агаты Кристи и их переводах.

По этой же причине не в чести у отечественных переводоведов использование методов корпусной лингвистики – при том, что в зарубежном переводоведении корпусные исследования сегодня, пожалуй, не менее популярны, чем когнитивный подход. Авторы исследований по истории перевода берут материалом для них почти исключительно художественную литературу (и особенно – поэзию). Но не меньший интерес сегодня представляло бы исследование об эволюции норм специальных видов перевода, например, технического.

Интересно было бы увидеть грамотно проведенные исследования социологического характера, связанные с изучением восприятия текстов оригинала перевода. Много говорится о прагматике, но правильно ли мы себе представляем, как именно воспринимаются оригиналы и переводы их получателями?

Преподавание перевода зачастую осуществляется интуитивно, по принципу «делай как я», а много ли существует добротных, проверенных практикой исследований, посвященных дидактическим аспектам перевода? Не исключено, что, изменив характер материала, виды упражнений, методику разбора и т. д., мы могли бы повысить КПД учебного процесса и добиться приличных результатов даже в рамках невразумительной бакалаврско-магистерской системы.

Много говорится об индивидуальности восприятия оригинала разными переводчиками, о субъективизме отдельных переводов, приводится масса разрозненных примеров. Но любопытно было бы проанализировать проблему идиостиля переводчика комплексно. На каких уровнях этот субъективизм проявляется? Проявляется ли он в равной степени у всех переводчиков? Может ли переводчик с ним бороться?

Этот список можно продолжать и дальше. Расширить его мог бы всякий переводчик, вдумчиво относящийся к своей работе и ждущий, что переводоведение придет ему на помощь. Если не оглядываться на опыт практиков, теория перевода действительно рискует выродиться в сомнительную с точки зрения теоретических основ и практической пользы отрасль языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chesterman A. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – 219 pp.
- Абдрахманова О.Р. Проблемы переводимости стилистически сниженной лексики в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemny-perevodimosti-stilisticheski-snizhennoi-leksiki-v-khudozhestvennom-tekste>
- Акаш Бадр Абдуллах. Лингвистические особенности перевода политических текстов: (На материале русско-арабских переводных соответствий): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 174 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvisticheskie-osobennosti-perevoda-politicheskikh-tekstov>
- Анисимова А.Г. Особенности перевода терминов сферы компьютерных технологий: Дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2010. – 358 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/metodologiya-perevoda-angloyazychnykh-terminov-gumanitarnykh-i-obshchestvenno-politicheskikh>
- Берди М., Ланчиков В.К. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской. // Мосты – М., 2006. – № 1(9) – с. 18 – 31.
- Бродский М.Ю. Политический дискурс и перевод. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/1215613/Rus_Political_Discourse_and_Translation
- Бузаджи Д.М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты №2(22), 2009. – М., 2009. – с. 31 – 38.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
- Галкина Т.Ю. Проблемы терминологии при переводе конфессиональных текстов иконографической литературы: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 240 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemny-terminologii-pri-perevode-konfessionalnykh-tekstov-ikonograficheskoi-literatury>
- Глухенька Н.С. Особенности перевода терминов сферы компьютерных технологий. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_gn/2009_1-2/files/GN_01-02_09_Gluhenka.pdf
- Горбунова А.М. Особенности языка и стиля Дэна Брауна в аспекте перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-yazyka-i-stilya-dena-brauna-v-aspekte-perevoda#ixzz2DuHeG32f>
- Денисова И.В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 183 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-peredachi-gendernogo-aspekta-v-perevode-khudozhestvennogo-proizvedeniya>
- Дзида Н.Н. Ассиметрия концепта в свете когнитивно-деятельностного подхода в переводоведении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2010. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/asimetriya-kontsepta-v-svete-kognitivno-deyatelnostnogo-podkhoda-v-perevodovedenii>
- Загидуллин М.В., Нефедова Л.А. и др. Языковая личность переводчика: коллектив. моногр.– Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. – 420 с.
- Злобин А.Н. Когнитивно-матричный анализ перевода как многоаспектного знания // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сборник научных трудов – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2011. – с. 22 – 34. – Сер. «Язык. Культура. Коммуникация»; Вып. 14, том 1.
- Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 20 с. –

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/frazeologicheskie-edinitsy-v-proizvedeniyakh-u-kollinza-i-ikh-sootvetstviya-v-russkikh-i-isp>
- Каширина Н.А., Клименко Д.И. Особенности перевода метафор в экономической публицистике. // Успехи современного естествознания №5, 2012. – М.: Академия естествознания, 2012. – с. 153 – 154.
- Козыкина Н.В., Флешлер О.И. Практика перевода в комментариях и упражнениях: учебное пособие. – Чита, ЧитГУ, 2008. – 250 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. – М.: Высш. школа, 1990. – 253 с.
- Кочелаева Н.А. Проблемы структурирования текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-strukturirovaniya-teksta-na-perevodnyashchem-yazyke-pri-perevode-s-russkogo-yazyka-n#ixzz2DuPTkyUU>
- Кушнина Л.В. Экологические скрипты в переводческом пространстве // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сборник научных трудов – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2011. – с. 54 – 57. – Сер. «Язык. Культура. Коммуникация»; Вып. 14, том 1.
- Кушнина Л.В., Аликина Е.В. Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология» – Пермь, 2010. – Вып. 4(10). – с. 46 – 51.
- Ланчиков В.К. По законам вообщистики // Мосты № 1(17), 2008. – М., 2008. – с. 14 – 19.
- Лебедев Д.И. Проблемы адекватности перевода лингводидактических терминов на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 109 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-adekvatnosti-perevoda-lingvodidakticheskikh-terminov-na-materiale-russkogo-i-anglii>
- Мартынова Н.А. Именованье инокультурных реалий: Передача имен русскокультурных реалий в англоязычном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2007. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/imenovanie-inokulturnykh-realii-peredacha-imen-russkokulturnykh-realii-v-angloyazychnom-disk#ixzz2DuQsbNG8>
- Мороз Н.А. Лингвокогнитивные аспекты перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2010. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvokognitivnye-aspekty-perevoda-poemy-nv-gogolya-mertvye-dushi-na-angliiskii-yazyk#ixzz2DuERciw>
- Новикова М.Г. Синтаксические преобразования на уровне предложения при переводе с английского языка на русский язык на примере коротких рассказов С. Моэма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sintaksicheskie-preobrazovaniya-na-urovne-predlozheniya-pri-perevode-s-angliiskogo-yazyka-na#ixzz2DuDNcZCe>
- Прищепчук С.А. Особенности воспроизведения оценочной лексики в переводе: (На материале политического дискурса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-vosproizvedeniya-otsenочноi-leksiki-v-perevode-na-materiale-politicheskogo-dis-0#ixzz2DuLTWMBd>
- Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 448 с.
- Смирнов Е.Е. Особенности передачи англоязычной терминологии в области электронной бытовой техники: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 156 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-peredachi-angloyazychnoi-terminologii-v-oblasti-elektronnoi-bytovoitekhniki>
- Тетерукова И.М. Грамматические трансформации текста при переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.referun.com/n/grammaticheskie-transformatsii-teksta-pri-perevode>
- Шаповалов И.С. Реалии парусного флота в английской литературе и проблемы их перевода на русский язык: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 342 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/realii-parusnogo-flota-v-angliiskoi-literature-i-problemy-ikh-perevoda-na-russkii-yazyk>

- Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика: На материале дискурса Б.В. Заходера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 20 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-lichnost-perevodchika-na-materiale-diskursa-bv-zakhodera#ixzz2DuOLy9Ij>
- Яжгунович О.А. Функционирование и перевод терминов гражданского права: на материале терминологии недвижимости: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 160 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-i-perevod-terminov-grazhdanskogo-prava>